САМСОНЪ

(Samson Agonistes).

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ДЖОНА МИЛЬТОНА

ПЕРЕВОДЪ ВЪ СТИХАХЪ

Н. А. БРЯНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1911.

САМСОНЪ

(Samson Agonistes).

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ДЖОНА МИЛЬТОНА

ПЕРЕВОДЪ ВЪ СТИХАХЪ

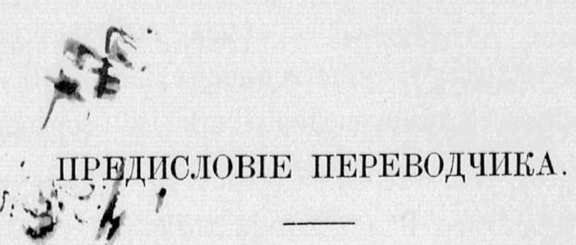
Н. А. БРЯНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1911.

Типографія Глазунова, Казанская ул., № 8.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Мильтонъ извѣстенъ широкимъ слоямъ русской публики главнымъ образомъ, какъ авторъ двухъ поэмъ: „Потерянный Рай“ и „Возвращенный Рай“; третье выдающееся его произведеніе—драматическая поэма „Самсонъ“ (Samson Agonistes *) — осталось какъ-то въ тѣни. Между тѣмъ нигдѣ такъ ярко не выразились душевныя переживанія и страданія послѣднихъ лѣтъ Мильтона, какъ именно въ „Самсонѣ“. „Видно, что въ этой *лебединой пѣснѣ* вылилась вся наболѣвшая душа великаго англійскаго поэта“, говоритъ проф. Стороженко **).

Всѣ три названныхъ поэмы были написаны или, вѣрнѣе, продиктованы Мильтономъ въ послѣдній періодъ его жизни (1660—1674), при чемъ „Самсонъ“ былъ послѣднимъ его произведеніемъ. Какъ извѣстно, этотъ періодъ жизни Мильтона, создавшій ему славу великаго поэта, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ трагичнымъ, какой только можно себѣ пред-

*) Въ буквальномъ переводѣ: „Самсонъ борецъ“.

**) Очеркъ исторіи западно-европейской литературы. Москва. 1910 г.

ставить. Ослѣпшій, больной, подавленный политическимъ переворотомъ, разгромившимъ его партію, удручаемый цѣлымъ рядомъ семейныхъ непріятностей, онъ находилъ единственное утѣшеніе и поддержку своей изстрадавшейся душѣ въ творчествѣ. Въ то время какъ величавые сюжеты „Потеряннаго и Возвращеннаго Рая“ давали возможность Мильтону стать выше земныхъ горестей, — въ третьей и послѣдней своей поэмѣ онъ въ образѣ взятаго въ плѣнъ и ослѣпленнаго Самсона могъ излить всѣ свои невзгоды, затронуть всѣ мучившіе его неотвязные вопросы.

Первый монологъ Самсона съ чрезвычайнымъ драматизмомъ передаетъ страданія слѣпца и по своей силѣ, думается намъ, не уступаетъ лучшимъ монологамъ Шекспировскихъ трагедій. Хороши нѣкоторые діалоги, напр. съ отцомъ, особенно съ Далилой; этотъ послѣдній діалогъ нисколько не утратилъ свѣжести и по настоящее время. Могутъ показаться скучными разсужденія хора, составлявшаго, какъ извѣстно, необходимую принадлежность греческихъ трагедій, по образцу которыхъ написанъ и „Самсонъ“. Монологъ, произносимый хоромъ вслѣдъ за уходомъ Далилы, можетъ вызвать невольную улыбку. Однако, именно въ этихъ монологахъ весьма опредѣленно выразились воззрѣнія Мильтона на многіе волновавшіе его вопросы, не исключая и семейныхъ.

„Самсонъ“ Мильтона пользовался въ Англіи успѣхомъ и послужилъ, между прочимъ, сюжетомъ для величественной ораторіи Генделя.

Насколько намъ извѣстно, это произведеніе Мильтона еще не было переведено на русскій языкъ.

Н. Б.

САМСОНЪ.

(SAMSON AGONISTES).

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА ДЖОНА МИЛЬТОНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Самсонъ.
Маноэ—отецъ Самсона.
Далила—жена Самсона.
Гарафа—силачъ Филистимлянинъ.
Гонецъ—Филистимлянинъ.
Вѣстникъ—еврей.
Хоръ Данитовъ (потомковъ Дана, одного изъ сыновей Іакова).

Дѣйствіе происходитъ неподалеку отъ Филистимскаго города Газы, передъ тюрьмой, въ которой заключенъ Самсонъ.

САМСОНЪ. (выходитъ изъ воротъ тюрьмы въ сопровожденіи мальчика).

Еще впередъ, еще немного далѣ
Веди меня, слѣпца, на ближній валъ,
Тамъ есть и солнце, есть и тѣнь на выборъ,
Тамъ я люблю сидѣть въ свободный часъ,
Мнѣ выпавшій отъ тяжкихъ, подневольныхъ
Моихъ трудовъ средь плѣнниковъ въ тюрьмѣ,
Гдѣ я, въ цѣпяхъ, нерѣдко задыхаюсь
Въ темничномъ воздухѣ сыромъ и смрадномъ,

Отравленномъ; но здѣсь я награжденъ;
Здѣсь вѣетъ неба свѣжее дыханье
Въ весенній день; здѣсь дай мнѣ отдохнуть...
(Мальчикъ уходитъ).
Сегодня пышный праздникъ въ честь Дагóна,
Морского божества Филистимлянъ,
И всякій трудъ въ странѣ ихъ подъ запретомъ;
Вотъ почему и я свободенъ нынѣ
И, удалясь отъ шума и толпы,
Ищу въ тиши себѣ отдохновенья...
Отдохновенья тѣлу, не уму:
Мнѣ не спастись отъ мыслей неотвязныхъ!
Едва одинъ останусь—рой ихъ жадный,
Какъ рой слѣпней, преслѣдуетъ меня,
Рисуя мнѣ, чѣмъ былъ и что я нынѣ!
О, для чего мое рожденье дважды
Родителямъ предрекъ посланникъ неба,
И, вслѣдъ затѣмъ, вознесся передъ ними
Весь въ пламени, какъ Божій серафимъ,
Надъ алтаремъ, гдѣ приносилась жертва,
Тѣмъ возвѣстивъ великія событья,
Иль милости потомству Авраама?
Зачѣмъ, еще до моего зачатья,
Я былъ назначенъ на служенье Богу,
На подвиги и славу,—если я
Теперь умру слѣпымъ рабомъ въ неволѣ,
Служа врагамъ злорадною потѣхой,
Свершая въ кандалахъ поденный трудъ?
На то ль была дана мнѣ небомъ сила?
О, какъ она унижена теперь!...
Предсказано, что я освобожу
Израиля отъ ига Филистимлянъ;
Взгляните же: вотъ онъ, освободитель,

Слѣпой, въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, среди рабовъ,
Отнынѣ самъ подъ игомъ Филистимлянъ!
Но погоди, ты въ правѣ ль сомнѣваться
Въ святомъ пророчествѣ? Во всемъ, что здѣсь
Со мной случилось,—я одинъ виною,
Могу пенять я только на себя!
Кто, какъ не я, не могъ сберечь въ молчаньи,
Въ чемъ тайна силы кроется моей,
Но малодушно женщинѣ повѣдалъ,
Ея слезой докучливой сраженъ?
О, немощь духа въ сильномъ тѣлѣ!... Что же,
Что значитъ сила, если въ помощь ей
Вдвойнѣ нѣтъ мудрости? Грузна, огромна,
Напыщенна,—но рухнуть можетъ вмигъ
Отъ малой хитрости; призванье силы—
Не управлять, но лишь служить орудьемъ
У мудрости. Господь, мнѣ силу давъ,
Ее сокрылъ въ кудряхъ моихъ нарочно,
Чтобъ показать, какъ ненадеженъ даръ.
Но тише... Я съ небеснымъ Провидѣньемъ
Не долженъ спорить; можетъ-быть, оно
Самсона разумѣнью недоступно.
Я знаю лишь, что мощь моя—источникъ
Всѣхъ бѣдъ моихъ, столь многихъ, столь ужасныхъ,—
Что мало жизни, чтобъ хотя одну
Изъ нихъ оплакать... Но всего ужаснѣй—
Потеря зрѣнья... Вотъ мое терзанье!
Слѣпымъ быть... средь враговъ...—куда страшнѣе
Цѣпей, темницы, нищеты, болѣзней!...
Свѣтъ—первый даръ Творца—погасъ въ очахъ!
Исчезло все, что взоръ мой услаждало,
Что жизнь мою могло бы облегчить!
Безпомощнѣй червя я сталъ отнынѣ:

*

Онъ ползаетъ, но видитъ... Я—при свѣтѣ
Окутанъ тьмой и осужденъ сносить
Насмѣшки злыя, горькія обиды...
Въ тюрьмѣ иль внѣ ея—всегда во власти
Моихъ враговъ и никогда—въ своей...
Я живъ едва, я словно полумертвый!...
Мракъ, вѣчный мракъ при яркомъ блескѣ дня,
Сплошная тьма, безъ проблеска надежды
Когда-нибудь увидѣть свѣтъ дневной!...
Творца вселенной первымъ словомъ было:
„Да будетъ свѣтъ!"—и былъ повсюду свѣтъ;
За что жъ лишенъ я перваго творенья?...
Померкло солнце въ небѣ для меня,
Исчезло, какъ луна во мракѣ ночи,
Когда она, покинувъ сводъ небесъ,
Скрывается въ пещерахъ новолунья...
Но если свѣтъ такъ нуженъ намъ для жизни,
Почти что жизнь сама—о, если правда,
Что свѣтъ у насъ скрывается въ душѣ
И всюду въ насъ,—такъ почему же зрѣнье
Довѣрено столь хрупкой оболочкѣ,
Какъ глазъ, гдѣ свѣтъ такъ просто загасить,—
А не разлито въ цѣломъ нашемъ тѣлѣ,
Подобно чувству, чтобы каждой порой
Могли мы вволю созерцать весь міръ?
Тогда бы не былъ такъ лишенъ я свѣта
И не влачилъ бы жизни полумертвый,
Схороненный... О, я еще несчастнѣй!
Я самъ—мой гробъ, я самъ—моя могила,
Схороненъ я, но не освобожденъ,
По праву неотъемлемому мертвыхъ,
Отъ бездны золъ, мученій, издѣвательствъ...
Нѣтъ, я еще сильнѣй подверженъ нынѣ

Всѣмъ горестямъ и бѣдамъ этой жизни
Въ плѣну и въ рабствѣ, средь безчеловѣчныхъ
И на меня озлобленныхъ враговъ...
Но это кто? Я слышу приближенье
Ко мнѣ шаговъ; быть-можетъ то враги
Идутъ сюда, чтобъ поглазѣть злорадно
На бѣдствіе мое, поиздѣваться,
Какъ ежедневно дѣлаютъ они...

ХОРЪ. Вотъ онъ!... вотъ онъ!... Потише...
Не потревожить бы его...
О жалкій видъ!.. Дѣйствительность ли это,
Иль только сонъ? Смотрите, какъ онъ здѣсь
Лежитъ забытый всѣми,
Съ откинутою навзничь головой,
Какъ будто потерявшій всѣ надежды,
На все рукой махнувшій,
Въ лохмотьяхъ рабскихъ,
Изодранныхъ и грязныхъ...
Иль взоръ обманутъ нашъ? Ужели это онъ,
Герой прославленный, Самсонъ непобѣдимый,
Которому ничто не въ силахъ было
Противостать?—который разорвалъ
Льву пасть, какъ левъ козленка разрываетъ;
Который бросился на полчища враговъ,
Закованныхъ въ желѣзо, безоруженъ,
И доказалъ предъ всѣми безполезность
И латъ стальныхъ, и кованныхъ кольчугъ,
Щитовъ и шлемовъ, и мечей, и копій?..
Да, счастливъ былъ, кто въ сторонѣ стоялъ,
Когда Самсонъ обрушился внезапно
И, несмотря на ихъ вооруженье,
Измялъ всю рать. Спесивые враги
Предъ львиными его прыжками въ страхѣ

Рванулись прочь; маститые герои
В доспѣхахъ—подъ пятой его валялись,
Иль, ползая, вздымали прахъ долины
Высокихъ шлемовъ перьями… а онъ,
Вооруженный челюстью ослиной,
Взамѣнъ меча, какъ бы смѣясь надъ ними,
Ихъ избивалъ; въ долинѣ Рамаѳ-Лехи,
Съ тѣхъ поръ прославленной, до тысячи легло
Филистимлянъ—весь цвѣтъ ихъ молодежи…
Въ другой разъ, онъ, съ невѣроятной силой
Сорвавъ съ обоими столбами и съ засовомъ
Ворота Газы, снесъ ихъ на плечахъ
На холмъ близъ города Хеврона, гдѣ когда-то
Гиганты жили,—словно тотъ, кого
Язычники зовутъ опорой неба;
Съ такою ношею прогулка не изъ легкихъ!…
О плѣнѣ ли его теперь намъ плакать,
Иль слѣпотѣ, его второй темницѣ
На вѣки безпросвѣтной?…
Ты сталъ теперь—что можетъ быть ужаснѣй!—
Самъ для себя тюрьмой; твоя душа,
О коей зрячіе нерѣдко сожалѣютъ,
Не сознавая ужаса всего,—
Теперь дѣйствительно томится въ заточеньи
Въ темницѣ собственнаго тѣла,
Лишенная живительныхъ лучей
И слитая съ угрюмой, черной ночью…
Свѣтъ внутренній, духовный свѣтъ—увы.—
Намъ не рождаетъ видимаго свѣта…
О ты, примѣръ превратностей судьбы,
Ты, равнаго подъ небомъ не имѣвшій!
Твой жребій поразителенъ тѣмъ болѣ,
Что, съ недоступной высоты
Блестящей славы, ты, сильнѣйшій въ мірѣ,

Палъ въ бездну униженій и позора!
Считаемъ мы великимъ не того,
Кто вознесенъ къ вершинѣ славы
Иль знатностью рожденья, иль фортуной,
Но именно тебя, который
Лишь силою и доблестью своей,
Пока ихъ спутникомъ являлась добродѣтель,
Могъ покорить бы землю и повсюду
Себя безсмертной славой увѣнчать!

САМСОНЪ. Я слышу голоса, но смысла словъ
Не разберу, ихъ вѣтеръ развѣваетъ.

ХОРЪ. Онъ говоритъ… Поближе подойдемъ…
Ты, не имѣвшій равнаго по силѣ,
Ты слава нѣкогда Израиля, а нынѣ
Его печаль! Къ тебѣ пришли друзья
Изъ плодоносныхъ низинъ Эстаола
Оплакивать тебя иль, если можно,
Утѣшить въ бѣдствіи твоемъ и уменьшить
Твои страданья; вѣдь слова порою
Смягчаютъ боль истерзанной души
И для открытыхъ ранъ бальзамомъ служатъ.

САМСОНЪ. Друзья, приходъ вашъ оживилъ меня;
Не на словахъ, на опытѣ узналъ я,
Какъ много есть друзей лишь по названью…
Меня поймете вы; во дни удачи
Они толпой спѣшатъ къ тебѣ, но въ дни
Несчастья,—отвернувшись, разбѣгутся…
Вы видите, какъ много страшныхъ бѣдъ
Здѣсь на меня обрушилось, однако
Тягчайшая изъ нихъ,—потеря зрѣнья,—
Меня сейчасъ всѣхъ меньше удручаетъ.
Вѣдь, будь я зрячъ, какъ смѣлъ бы я взглянуть
Вамъ всѣмъ въ лицо? Я со стыда сгорѣлъ бы,

Я головы поднять не смѣлъ бы... Я,—
Ко дну пустившій, какъ безумный кормчій,
Корабль, довѣренный мнѣ свыше!.. Я—
Изъ-за слезы дешевой разгласившій,
Въ чемъ состоитъ мой тайный божій даръ!
Кому же? Лживой женщинѣ... Скажите,
Я не вошелъ въ пословицу? Быть-можетъ,
Смѣются надо мной теперь повсюду
И говорятъ: такъ, по дѣломъ ему?
Да, страшенъ силой, но умомъ ничтоженъ—
Вотъ гдѣ причина гибели моей!

ХОРЪ. Другъ, не ропщи; мудрѣйшіе мужи
Ошибки дѣлали и женщиной бывали
Обмануты, и будутъ также впредь,
Какими бъ ни смотрѣли мудрецами.
Себя въ ошибкѣ слишкомъ не вини,
Ты за нее довольно поплатился.
Но, молвить правду, слышали мы часто,
Какъ удивлялись многіе, что ты
Брать въ жены предпочелъ Филистимлянокъ
Всѣмъ, даже болѣе красивымъ, дочерямъ
Израиля—и столь же благороднымъ...

САМСОНЪ. Я въ Тимнѣ *) встрѣтилъ первую; она
Пришлась мнѣ пò сердцу, но бракъ съ невѣрной
Родители мои не одобряли,
Не зная, что мой замыселъ—отъ Бога;
Въ моей душѣ твердилъ мнѣ тайный голосъ,
Что бракъ такой мнѣ въ руки поводъ дастъ
Израиля начать освобожденье,
Къ чему давно я свыше призванъ былъ;

*) Названіе города; здѣсь принято начертаніе Мильтона: Timna; по библіи: Ѳимнаѳа.

Но женщина та лживой оказалась;
Тогда я взялъ другую, взялъ Далилу *)—
Чудовище, проклятіе мое,
Ту западню, въ которую попался...
Ахъ, если бы вовѣкъ тому не быть!
О, позднее благое пожеланье!
Надѣялся я этимъ бракомъ также
Израиля скорѣй освободить
Отъ притѣснителей... Нѣтъ, не Далила,—
Я самъ причина всѣхъ моихъ страданій!..
Кто, какъ не я, словами побѣжденный,
Нарушилъ данный мной обѣтъ молчанья
Для женщины? О слабость! О позоръ!

ХОРЪ. Мы знаемъ всѣ, что, рукъ не покладая,
Старался ты ослабить Филистимлянъ;
Ты сдѣлалъ все, что могъ; но все жъ донынѣ
Сыны Израиля подъ игомъ ихъ томятся...

САМСОНЪ. Я этого въ вину себѣ не ставлю,
Въ томъ виноваты наши главари;
На ихъ глазахъ Господь черезъ меня
Врагу нанесъ рядъ тяжкихъ пораженій;
Они и не подумали, чтобъ этимъ
Воспользоваться; я же не любилъ
О подвигахъ моихъ распространяться;
Они вѣдь сами громко говорили
Всѣмъ о себѣ; но наши главари
Остались глухи, видимо считая
Ихъ всѣхъ за пустяки; межъ тѣмъ враги,
Собравши войско, вторглись въ Іудею,
Ища меня; въ то время я скрывался
Средь дикихъ горъ, выискивая мѣсто,

*) По библіи: Далида.

Въ которомъ бы удобнѣе напасть.
Но Іудеи, окруживъ меня
И предложивши рядъ такихъ условій,
Что я охотно имъ отдался въ руки,—
Вдругъ выдали меня Филистимлянамъ,
Чтобъ отвратить страны опустошенье,
Какъ ихъ добычу цѣнную, связавши
Веревками; но для меня веревка—
Что нить въ огнѣ; я на враговъ напалъ
И всѣхъ избилъ ихъ челюстью ослиной,
Лишь тотъ остался живъ, кто убѣжалъ.
Соединись со мною Іудеи
Въ тотъ славный день—они владѣли бъ Гаѳой *)
И тѣми, въ чьихъ рукахъ они теперь.
Ничто народа такъ не развращаетъ,
Ничто легко такъ не приводитъ къ рабству,
Какъ предпочтенье выгодной неволи
Свободѣ, покупаемой въ бою,
Какъ зависть, недовѣріе къ тому,
Кого возвысилъ Богъ и имъ назначилъ
Въ освободители. Едва начнетъ онъ
Свой подвигъ, какъ ему въ отвѣтъ—измѣна
И черная за все неблагодарность.

ХОРЪ. Твои слова напоминаютъ намъ,
Какъ города Сокхоѳъ и Пенуэлъ
Съ великимъ Гедеономъ поступили,
Когда онъ, ихъ же отъ враговъ освободивъ,
Преслѣдовалъ разбитыхъ Мадянитянъ;
И какъ неблагодарные потомки
Ефрема собирались поступить

*) Одинъ изъ главныхъ городовъ Филистимлянъ; по другой транскрипціи—Геѳъ.

Съ не менѣе великимъ Іефѳаемъ,
Который часто мудрыми рѣчами
Не хуже, чѣмъ оружьемъ, защищалъ
Израиля отъ дикихъ Аммонитянъ;
Но Іефѳай достойно наказалъ
Зазнавшихся Ефремовыхъ потомковъ
Въ столь памятной кровавой бойнѣ,
Ловя ихъ всѣхъ на словѣ „шибболетъ". *)

САМСОНЪ. Добавьте и меня къ такимъ примѣрамъ...
Пренебрегать, конечно, могутъ мною,
Но не стремленьемъ родину спасти
По указаньямъ, даннымъ мнѣ отъ Бога.

ХОРЪ. Пути Господни правы; правда ихъ
Доступна пониманью человѣка;
Но, можетъ-быть, есть люди, для которыхъ
Нѣтъ вовсе Бога; если есть такіе—
Они блуждаютъ въ полной темнотѣ;
Вѣдь никогда подобнаго ученья
Не раздавалось въ мірѣ; лишь безумецъ
Сказать рѣшится въ сердцѣ: Бога нѣтъ!
Онъ одинокъ съ такою дикой мыслью.
Но, можетъ-быть, такихъ найдется больше,
Которымъ кажется: пути не правы Бога,
Которые Его законамъ
Свои законы противопоставятъ,
Давъ волю разнымъ мудрствованьямъ ложнымъ,
Дерзая посягнуть на славу Бога,
Покамѣстъ не запутаютъ себя
Сѣтями собственныхъ сужденій и сомнѣній;
Имъ не найти желанныхъ имъ рѣшеній...
Имъ Безконечнаго не ограничить,

*) См. Книга Судей: VIII, 4—9; XI, 15—27; XII, 1—6.

Имъ Бога не связать Его же словомъ,
Онъ насъ связалъ закономъ, не Себя,
И также каждаго изъ насъ Онъ можетъ
Освободить отъ данныхъ Имъ законовъ,
Не наложивши этимъ
На насъ грѣха ни тѣни;
Распоряжаться ими Онъ всевластенъ.
Иначе бы не побуждалъ Господь,
Конечно не нуждающійся въ средствахъ,
Какъ свой народъ отъ узъ освободить,
И не склонялъ героя-назорея *)
Обѣтъ нарушить строгой чистоты
И въ бракъ вступить съ невѣстой этой лживой,
Нечистой, грѣшной...
Такъ, значить, прочь пустыя резонерства:
Какъ ни старайся разумъ
Поступокъ оправдать Далилы,
Пятно грѣха останется всецѣло
На ней одной... Но вотъ сюда спѣшитъ
Отецъ твой, Маноэ **) почтенный,
Сѣдой, какъ лунь; обдумай поскорѣе,
Какъ надлежитъ принять его тебѣ.

САМСОНЪ. О горе мнѣ! при имени отца
Еще одна въ душѣ проснулась рана.

МАНОЭ. Не Дановыхъ потомковъ ли я вижу
У вражьихъ стѣнъ? Надѣюсь, что сюда
Васъ привели любовь и состраданье
Къ товарищу, столь славному когда-то;
Мнѣ, старику, за вами не поспѣть...
Скажите же, не здѣсь ли сынъ мой плѣнный?

*) Самсонъ былъ „назореемъ", т. е. посвященнымъ Богу, подобно пророку Самуилу, Іоанну Крестителю и др.

**) По библіи—Маной.

ХОРЪ. Смотри, вотъ онъ, настолько низко павшій,
Насколько онъ когда-то былъ высокъ.

МАНОЭ. О горе мнѣ! Ужели это онъ,
Прославленный Самсонъ непобѣдимый,
Гроза враговъ Израиля, свободно
По улицамъ ихъ города гулявшій,
Какъ грозный ангелъ, на кого никто
Напасть не смѣлъ, межъ тѣмъ какъ онъ одинъ
Шелъ противъ цѣлой рати Филистимлянъ?
Теперь—безсильный даже отъ тюрьмы
Спасти себя! О, горькая превратность
Судьбы людской! Такъ что же, наконецъ,
Здѣсь не обманъ? Какія жъ блага прочны
И не грозятъ проклятьемъ стать для насъ?
Считая бракъ безплодный недостойнымъ,
Молилъ о дѣтяхъ я; мнѣ Богъ далъ сына—
Такого, что меня сочли счастливцемъ;
Но кто жъ теперь хотѣлъ бы на моемъ
Быть мѣстѣ? Для чего Господь исполнилъ
Мою мольбу и, какъ благословенье,
Мнѣ сына далъ? Зачѣмъ мы алчемъ такъ
Его даровъ, шлемъ слезныя молитвы,—
Коль данные торжественно, какъ милость,
Они скрываютъ жало скорпіона?
Для этого ль два раза ангелъ съ неба
Къ намъ нисходилъ? Для этого ль тебя
Взрастилъ я, какъ священное растенье,
На диво всѣмъ? И вдругъ въ единый часъ
Ты силъ лишенъ, обманутъ, опозоренъ,
Взятъ въ плѣнъ, осмѣянъ, связанъ, ослѣпленъ,
Въ темницу брошенъ съ жалкими рабами!
Мнѣ кажется, кто Богомъ избранъ былъ
Для подвиговъ, не долженъ такъ жестоко

Наказанъ быть, униженъ и растоптанъ
За то, что впалъ однажды въ заблужденье,—
Хотя бъ во имя прежнихъ дѣлъ своихъ!

САМСОНЪ. Не осуждай, родитель, Провидѣнья,
Я эти наказанья заслужилъ,
Я самъ всему виной, всему причина.
Кто осквернилъ божественную тайну,
Подъ клятвой мнѣ довѣренную Богомъ,
И выдалъ Хананеянкѣ невѣрной?
Предательствомъ я не былъ удивленъ,
Вѣдь первою моей женой я также
Обманутъ былъ; въ пылу любовныхъ ласкъ
Она сумѣла вывѣдать рѣшенье
Моей загадки и передала
Его моимъ соперникамъ преступнымъ.
Вторая же была еще коварнѣй:
Подкупленная золотомъ, она,
При первыхъ же супружескихъ объятьяхъ,
Отъ золота въ утробѣ зачала
Мнѣ первенца—жестокую измѣну!
Да, трижды лестью, вздохами, мольбами,
Упреками, она узнать старалась,
Въ чемъ сила заключается моя;
Я трижды отговаривался шуткой
И каждый разъ все больше замѣчалъ,
Съ какимъ назойливымъ безстыдствомъ грубымъ
Она меня старалась обмануть;
Но что всего противнѣй было—злоба
И ненависть открытая, съ которой
Она старалась сдѣлать изъ меня
Измѣнника передъ самимъ собою!
Въ четвертый разъ, собравъ весь свой запасъ
Словъ вкрадчивыхъ и всѣхъ уловокъ женскихъ,

Она меня дни, ночи напролетъ
Въ покоѣ ни на мигъ не оставляла,
Когда покой всего дороже былъ...
Я уступилъ и ей открылъ всю душу;
Будь мужества во мнѣ хотя крупица—
Я отряхнулъ бы эти навожденья!
Но въ этотъ мигъ я былъ, презрѣнный бабникъ,
Ея рабомъ! Позорное пятно
Какъ чести, такъ и вѣрѣ. Рабскій духъ
И рабскому подвергнутъ наказанью.
Все, до чего въ тюрьмѣ я нынѣ палъ—
Лохмотья эти, трудъ мой подневольный—
Не столь мнѣ унизительны, какъ то,
Что я тогда свершилъ, какъ истый рабъ,
Безчестный, низкій, подлый, малодушный!
Та слѣпота была ужаснѣй этой:
Не видѣлъ я всей низости души!..

МАНОЭ. Я выборовъ твоихъ хвалить не стану.
Однако ты ихъ дѣлалъ съ тою цѣлью,
Чтобъ, слѣдуя Господнему велѣнью,
Найти предлогъ нанесть ущербъ врагамъ;
Но вышло такъ, что этимъ самъ ты предалъ
Себя въ ихъ руки; ты не устоялъ
Предъ чарами могучими Далилы;
Она тебя заставила открыть
Ту тайну, что хранить ты былъ обязанъ;
Теперь всю тяжесть сдѣланной ошибки
Ты искупаешь горькою расплатой.
Но нѣчто худшее, мой сынъ, здѣсь вскорѣ
Намъ предстоитъ: сегодня, какъ ты знаешь,
Филистимляне здѣсь справляютъ праздникъ
И пышное готовятъ торжество,
Хвалебный гимнъ и жертвоприношенья

Дагону въ честь, который далъ имъ въ руки
Тебя, Самсонъ, слѣпого и въ цѣпяхъ.
Итакъ, здѣсь будетъ ихъ Дагонъ прославленъ,
А нашъ Господь униженъ, оскорбленъ
И съ идолами наравнѣ поставленъ!
Богъ, кромѣ Коего нѣтъ въ мірѣ Бога,
Услышитъ здѣсь язычниковъ хулу!
И это все изъ-за тебя свершится!..
Изъ всѣхъ твоихъ страданій—о тягчайшемъ
Подумай, сынъ; изъ всѣхъ другихъ упрековъ
Страшнѣйшій—здѣсь, который могутъ сдѣлать
Тебѣ, мой сынъ, и дому моему.

САМСОНЪ. Я признаю, что почести всѣ эти
Дагону далъ никто иной, какъ я,
И средь язычниковъ его прославилъ
Широко всюду; Господу принесъ
Одно безчестье; рты раскрылъ безстыднымъ
Безбожникамъ; Израилю доставилъ
Стыдъ и позоръ; вселилъ сомнѣній ядъ
Въ сердца людей нетвердыхъ и готовыхъ
Отпасть отъ Бога и кумировъ славить.
Вотъ въ чемъ мой стыдъ и главное страданье
Моей души; оно и день и ночь
Меня гнететъ и не даетъ забыться.
Я облегченъ лишь мыслью, что борьба
Со мной окончена; единоборство
Теперь межъ Богомъ и Дагономъ; идолъ
Меня сломилъ и бросилъ вызовъ Богу,
Дерзнувъ себя предъ всѣми ставить выше,
Чѣмъ Бога Авраама. Я увѣренъ,
Что Богъ не будетъ медлить и сносить
Такія оскорбленья; Богъ возстанетъ
И побѣдитъ; Дагонъ же дерзкій будетъ

Такъ посрамленъ, что всѣ его тріумфы
Кичливые, полученные имъ
Въ борьбѣ со мной,—постыдно разлетятся!

МАНОЭ. Ты правъ, мой сынъ, ты правъ; твои слова
Считаю за пророчество; Господь
Навѣрно не замедлитъ защитить
Величье имени Его и славу
Отъ всякихъ посягательствъ и не будетъ
Терпѣть, чтобъ сомнѣвались, кто Господь,—
Онъ иль Дагонъ. Но что съ тобою будетъ?
Не долженъ ты тѣмъ временемъ быть брошенъ
Забытымъ здѣсь, униженный, несчастный.
Я ужъ вступилъ съ вождями Филистімлянъ
Въ переговоръ о выкупѣ твоемъ;
Они теперь, надѣюсь, утолили
Ихъ жажду мести, ослѣпивъ тебя,
Подвергнувъ мукамъ горше всякой смерти;
Вѣдь ты теперь не можешь имъ вредить.

САМСОНЪ. Брось этотъ планъ, отецъ, брось всѣ заботы
О выкупѣ; оставь меня въ тюрьмѣ
Нести въ ней наказанье по заслугамъ
И, если будетъ можно, искупить
Преступность болтовни моей постыдной.
Вѣдь разгласить довѣренную намъ
Хотя бы человѣческую тайну—
Стыдъ и позоръ; за это отъ тебя,
Какъ отъ измѣнника, всѣ отшатнутся;
Не смыть съ чела предательства печать!
Но я—о стыдъ!—я выдалъ тайну Бога,
Самонадѣянно, преступно, подло,
Позорно выдалъ! Вѣдь такой поступокъ
И у язычниковъ въ сказаньяхъ древнихъ
Карается неслыханнымъ мученьемъ!

МАНОЭ. Сынъ, кайся и скорби о совершенномъ,
Но приговора самъ себѣ не ставь;
Плачь о грѣхѣ, но если вражьей кары
Ты можешь избѣжать, то избѣгай,
Иль предоставь твой жребій Провидѣнью;
Пусть не твоя рука—десница Бога
Съ тебя за грѣхъ твой взыщетъ; можетъ-быть,
Тебя еще помилуетъ Создатель.
Запомни сынъ: Господь внимаетъ больше
Мольбамъ того, кто проситъ у Него
Прощенія съ покорностью сыновней,
А не тому, кто, мудрствуя лукаво,
Рѣшаетъ самъ судьбу свою, въ заботѣ
Лишь о себѣ самомъ, а не о Богѣ.
Не отвергай же выкупа; кто знаетъ,
Быть-можетъ Богъ рѣшилъ тебя вернуть
На родину, къ Его святому храму,
Гдѣ жертвами и слезною молитвой
Ты Господа умилостивишь гнѣвъ.

САМСОНЪ. Я къ Господу взываю о прощеньи;
Но для чего теперь мнѣ жизнь? Не я ли
Недавно силой всѣхъ превосходилъ?
Не я ли съ юнымъ пыломъ, полонъ свѣтлыхъ
Надеждъ и мыслей о моемъ рожденьи
Предсказанномъ, о подвигахъ великихъ,—
Не я ли, полонъ Божьяго наитья,
Рядъ громкихъ дѣлъ геройски совершивъ,
Затмивъ сыновъ прославленныхъ Енака,
Гулялъ свободно по землѣ враговъ,
Какъ нѣкій богъ? Всѣ предо мной дрожали,
И не дерзалъ никто меня затронуть!
Но я, гордецъ, попался въ западню
Любовныхъ чаръ, лукавыхъ женскихъ взглядовъ,

Размякъ отъ сладострастныхъ наслажденій,
И, наконецъ, склонилъ мое чело
Съ руномъ волосъ—залогомъ благодатнымъ
Всѣхъ силъ моихъ—на чувственное лоно
Наложницы, которая остригла
Меня, какъ агнца смирнаго, затѣмъ—
Лишеннаго кудрей моихъ и силы,
Швырнула на посмѣшище врагамъ!...

ХОРЪ. Любовь къ вину и сладостнымъ напиткамъ
Сгубила многихъ доблестныхъ мужей;
Но ты былъ твердъ; тебя не соблазняли
Ни вкусъ, ни запахъ, ни игра янтарной
Шипучей влаги, спутницы веселья,—
Ты пилъ лишь водъ кристальныя струи.

САМСОНЪ. Да, я охотнѣй жажду утолялъ
Прозрачнаго ручья студеной влагой,
Пріятной, освѣжающей, бодрящей,
Лучомъ востока нѣжно озаренной,
И не завидовалъ отнюдь похмѣлью
Дурманному отъ сока винограда.

ХОРЪ. Что за безумство думать, что вино
Намъ служитъ къ укрѣпленію здоровья,
Когда Господь взрастилъ въ виду у всѣхъ
Богатыря безъ всякаго сравненья,
Который пилъ лишь воду изъ ручья!...

САМСОНЪ. Что говорить объ этомъ, если я
За то другимъ позорно соблазнился?
Что пользы защищать однѣ ворота,
Въ другія же впускать къ себѣ врага?
Какъ, чѣмъ служить мнѣ своему народу?
Пришибленъ, опозоренъ, ослѣпленъ—
На что я годенъ? Развѣ лишь въ бездѣльи
У очага отцовскаго сидѣть,

*

Быть, въ тягость всѣмъ, лѣнивымъ лежебокой,
Предметомъ жалости или насмѣшки
Для любопытныхъ—съ этими кудрями,
Воспоминаньемъ тщетнымъ прежней силы,—
Пока, оцѣпенѣвъ, не обращусь
Въ развалину презрѣнную съ годами...
Нѣтъ, лучше дайте здѣсь мнѣ спину гнуть
И добывать горбомъ мой хлѣбъ насущный,
Покамѣстъ гниль и черви рабской пищи
Меня гноятъ, и избавитель-смерть
Готовитъ мнѣ всѣхъ мукъ конецъ желанный.

МАНОЭ. Ты хочешь быть слугой Филистимлянъ,
Ты, что былъ призванъ Богомъ быть ихъ кáрой?
Нѣтъ, лучше дома прозябать разбитымъ,
Безславнымъ, ни на что ненужнымъ старцемъ!...
Но Онъ, пославшій на твою молитву
Студеный ключъ среди безплодныхъ скалъ,
Когда ты жаждой страшною томился,—
Онъ можетъ свѣтъ вернуть очамъ твоимъ,
Чтобъ въ будущемъ Ему служилъ ты лучше.
Я убѣжденъ въ томъ; иначе зачѣмъ
Въ твоихъ кудряхъ скрываться тайной силѣ?
Чудесный даръ данъ Богомъ не напрасно,
Ужель безплодно такъ исчезнетъ онъ?

САМСОНЪ. Не таковы предчувствія мои:
Слѣпымъ очамъ не видѣть больше свѣта,
И жизни свѣтъ во мнѣ погаснетъ скоро
И смѣнится глубокимъ мракомъ смерти;
Я чувствую—мой геній отлетѣлъ,
Надежды меркнутъ, и моя природа
Во всемъ сама собою тяготится;
Путь славы конченъ, конченъ путь позора,
И вскорѣ я найду себѣ покой.

МАНОЭ. Не вѣрь такимъ предчувствіямъ; они
Отъ мрачныхъ мыслей, вѣрь мнѣ, происходятъ.
Я всетаки не долженъ оставлять
Моихъ заботъ, чтобъ такъ-ли, иль иначе
Тебя изъ рукъ враговъ освободить;
А ты, межъ тѣмъ, спокоенъ будь и слушай
Твоихъ друзей цѣлительное слово. (Маноэ уходитъ).

САМСОНЪ. О, эти горькія мученья
Не только плоти суждены
Среди безчисленныхъ недуговъ
Всѣхъ членовъ тѣла моего!
Нѣтъ, пробираются, какъ змѣи,
Они въ тайникъ моей души,
Чтобъ тамъ терзать меня нещадно;
Моя душа, подобно тѣлу,
Добычей также стала ихъ.
Увы, душевныя страданья
Страшнѣй тѣлесныхъ вò сто кратъ!...
Меня гнетутъ мои печали,
Не находя себѣ исхода,
То какъ медлительный недугъ,
То какъ зіяющія раны
Горятъ, и пухнутъ, и гноятся
И все не могутъ омертвѣть!...
А думы съ смертоноснымъ жаломъ—
Онѣ мучители мои!
Онѣ терзаютъ умъ и душу
И растравляютъ язвы ранъ;
И не смягчить тѣхъ язвъ бальзамомъ
Цѣлебныхъ травъ, ни снѣжныхъ горъ
Дыханьемъ свѣжимъ въ день весенній.
Я сна лишенъ; мое спасенье—
Всепритупляющая смерть...

Ахъ, нѣтъ отчаянью предѣла,
Покинутъ небомъ я теперь!
Я прежде былъ его питомцемъ,
Его избранникомъ я былъ;
Мое зачатье и рожденье
Два раза ангелъ возвѣстилъ.
Я быстро выросъ и окрѣпнулъ,
Былъ призванъ подвиги свершать,
Съ нечеловѣческою силой
Враговъ невѣрныхъ сокрушать...
Но Богъ меня теперь оставилъ
И выдалъ тѣмъ моимъ врагамъ,
Въ борьбу съ которыми вступилъ я,—
И вотъ, безпомощный слѣпецъ,
Живымъ я отданъ на терзанье
Ихъ дикой злобѣ и враждѣ;
Мнѣ не ласкать въ душѣ надежды,
Мнѣ ранъ моихъ не исцѣлить!...
Одну лишь краткую молитву
Я шлю къ Творцу: Услышь меня!
Пошли мнѣ смерть, пошли скорѣе,
Она для ранъ бальзамомъ будетъ,
Вѣнцомъ мученій всѣхъ моихъ!...

ХОРЪ. Мужей мудрѣйшихъ изреченье
Гласитъ давно, что средь невзгодъ
Одно лишь высшее терпѣнье
Есть вѣрный жизненный оплотъ;
Оно даетъ намъ силу перенесть
Всѣ бѣдствія непрочной нашей жизни,
Смягчаетъ горе намъ и гнетъ тяжелыхъ думъ;
Слова такія утѣшенья
Подкрѣплены у мудрецовъ
Глубокимъ убѣжденіемъ въ ихъ правдѣ

И цѣлымъ рядомъ строгихъ разсужденій.
Но для того, кто страждетъ, полонъ муки,
Совѣты мудрецовъ не значатъ ничего,
Какъ чуждые, пустые звуки
Въ отвѣтъ на жалобы его,
Пока онъ самъ въ себѣ вдругъ не почуетъ тайный
Источникъ утѣшенья, данный свыше,
Который возстановитъ силы
И освѣжитъ, подниметъ духъ упавшій...
О Боже! Въ чемъ повиненъ человѣкъ,
Что Ты ему такъ разно, такъ неровно,
Дерзнемъ сказать—такъ противорѣчиво
Оказываешь милость и немилость
Въ теченіе его короткой жизни!...
Иначе правишь Ты
Чинами ангеловъ и тварями земными...
Не будемъ говорить о той толпѣ людской,
Которая, скитаясь въ этомъ мірѣ,
Растетъ и гибнетъ, словно стаи мухъ,
Не оставляя имени въ потомствѣ;
Но даже тѣхъ, которыхъ Ты избралъ
И, надѣливъ великими дарами,
На подвиги призвалъ—Тебѣ во славу,
На благо людямъ,—даже тѣхъ, о Боже,
Исполнившихъ, что Ты предначерталъ,
И возвеличенныхъ,—Ты часто въ самый полдень
Ихъ славы—милости Твоей лишаешь
И руководства, невзирая вовсе
На то, что Ты имъ раньше даровалъ,
Иль что они, служа Тебѣ, свершили...
Не только, развѣнчавъ ихъ, обречешь
На жизнь въ забвеніи—то было бъ легкой карой,—
Нѣтъ, Ты унизишь больше, чѣмъ вознесъ,

Въ глазахъ людей уронишь ихъ жесточе,
Чѣмъ заслужило прегрѣшенье ихъ;
Иль ихъ осудишь на плѣненье,
На жертву вражескимъ, языческимъ мечамъ,
А трупы бросишь на съѣденье
Нечистымъ коршунамъ и псамъ;
Иль въ годы смутъ отдашь судьямъ невѣрнымъ,
На приговоръ предательской толпы;
Спасаясь отъ нея, они впадаютъ въ бѣдность,
Болѣзнями Ты гнешь ихъ долу,
И, преждевременно состарившись, они
Калѣками кончаютъ жизнь въ страданьяхъ,
Безвинно раздѣляя наказанья
Распутниковъ... И вотъ, въ концѣ концовъ,
И праведникъ и грѣшникъ въ равной мѣрѣ
Несчастны, въ свой удѣлъ имѣя
Лихой конецъ... Не поступай же такъ
Съ Твоимъ избранникомъ, съ Твоимъ когда-то славнымъ
Героемъ, образомъ Твоей великой силы...
Но что жъ просить? Ты судъ свершилъ надъ нимъ...
Взгляни же на него въ несчастьи
И положи конецъ его страданьямъ!
Ты всемогущъ, Ты можешь сдѣлать это!...

Что тамъ вдали? Дитя земли иль моря?
Намъ кажется, что женскій образъ
Подъ покрываломъ, въ яркомъ одѣяньи
Идетъ сюда, какъ стройный
Корабль подъ парусами
Изъ Тарса, нагруженный
Для острововъ Эллады,
Во всемъ великолѣпьи, со снастями
Украшенными, съ парусами
Надутыми и съ флагами по вѣтру,

Ласкаемый попутнымъ дуновеньемъ;
Предвѣстникомъ сюда благоуханье
Доносится; да, то Филистимлянка
Богатая и знатная; но вотъ,
Когда она поближе подошла,
Мы узнаемъ жену твою, Далилу.

Самсонъ. Жена? Измѣнница? Не допускайте
Ея ко мнѣ!

Хоръ. Она остановилась
И пристально такъ на тебя глядитъ;
Вотъ плачетъ, голову склонивъ, подобна
Цвѣтку, обремененному росою,
И говорить не можетъ изъ-за слезъ,
Струящихся на складки покрывала.

Далила. Вся трепеща, колеблющимся шагомъ
Я прихожу, Самсонъ, теперь къ тебѣ;
Я заслужила гнѣвъ твой; извиненья
Мнѣ нѣтъ, я сознаюсь; но если слезы
Хоть нѣсколько вину мою искупятъ,
То моему раскаянью, повѣрь,
Конца не будетъ!... Я не ожидала,
Что столько мукъ тебѣ я принесу...
Какъ ни великъ мой страхъ передъ тобою,—
Любовью онъ супруги побѣжденъ;
И я пришла, чтобъ вновь тебя увидѣть,
Тебя утѣшить, сколько въ силахъ я,
И облегчить тебѣ твои страданья;
Чтобъ хоть отчасти, хоть и слишкомъ поздно.
Вознаградить тебя за мой поступокъ,
Навлекшій столько горя на тебя!...

Самсонъ. Прочь, прочь, гіена! Это лишь уловки
У всякой лживой женщины, какъ ты:
Обѣтъ нарушить, обмануть и выдать,

Затѣмъ прійти съ раскаяньемъ притворнымъ,
Въ слезахъ молить прощенья, унижаться
И обѣщать, безъ счета обѣщать,
Въ душѣ межъ тѣмъ одну лишь цѣль имѣя—
На слабой стрункѣ мужниной играть,
Пока его терпѣнье не изсякло,
И съ хитростью удвоенной затѣмъ
Опять грѣшить и снова пресмыкаться!
Такъ провели немало вы мужей
Достойныхъ, мудрыхъ, съ принципомъ высокимъ
Не отвергать раскаянья, прощать;
Они за это тяжко поплатились...
Не разрубивши во́ время змѣи,
Удавлены они змѣею были,
Какъ я тобой—въ примѣръ вѣкамъ грядущимъ.

ДАЛИЛА. Самсонъ, послушай, я вѣдь не стараюсь
Мою вину смягчить передъ тобой;
Однако, если все спокойно взвѣсить
И, черныхъ красокъ слишкомъ не сгущая,
Все съ должнымъ снисхожденьемъ обсудить,—
Я заслужу прощеніе быть-можетъ,
Иль уменьшу хоть ненависть твою.
Вѣдь, согласись,—проступокъ мой былъ слабость,
Столь свойственная полу моему;
Назойливость, пытливость, любопытство,
Страсть вывѣдать секретъ и разболтать—
Все это общеженскіе пороки...
А не было ли слабостью и то,
Что ты, изъ-за моихъ лишь приставаній,
Мнѣ разсказалъ великій твой секретъ?
Ты первый указалъ мнѣ тѣмъ дорогу;
Я не была права, секретъ открывши
Твоимъ врагамъ, какъ не былъ правъ и ты.

Его довѣривъ вѣтренности женской;
Ты до меня къ себѣ ужъ былъ жестокъ;
Да будетъ же моя покрыта слабость
Твоею слабостью, дабы тѣмъ мягче
Тебя судили, если отъ меня
Потребуешь ты твердости не больше,
Чѣмъ самъ имѣлъ... А если лишь любовь,—
Не ненависть, какъ ты предполагаешь,—
Лишь страсть къ тебѣ и ревность побудили
Меня свершить поступокъ мой? Я знала
Твое непостоянство и боялась,
Чтобъ ты меня не бросилъ вдругъ, какъ ту
Изъ Тимны; я найти старалась способъ
Тебя къ себѣ покрѣпче привязать.
Какое жъ средство здѣсь могло быть лучше,
Какъ, зная тайну, ключъ имѣть въ рукахъ
Отъ безопасности твоей? Ты скажешь:
Зачѣмъ я тайну выдала? Такъ знай же:
Мнѣ обѣщали, что тебѣ насилій
Не причинятъ, что будешь только ты
Здѣсь содержимъ подъ мягкою охраной.
Мнѣ это было по́ сердцу; я знала:
Въ вихрь подвиговъ ты бросишься опять,
А мнѣ одной придется, полной страха,
Оплакивать тебя на вдовьемъ ложѣ...
Тогда жъ со мной ты былъ бы день и ночь,
Моей любви, не Филистимлянъ плѣнникъ,
Всецѣло мой, уйти бы ты не могъ,
Надежно отъ соперницъ защищенный...
Вотъ что тогда мнѣ сердце говорило...
Любовь, творя нерѣдко много зла
Безъ умысла, достойна снисхожденья;
Не будь же такъ жестокъ, какъ ты силенъ!

Коль всѣхъ людей ты силой превосходишь,
То хоть не будь безжалостнѣе ихъ!..

САМСОНЪ. Съ какимъ лукавствомъ силится колдунья
Свои грѣхи взвалить всѣ на меня!
Нѣтъ, не съ раскаяньемъ сюда пришла ты!
Ты говоришь: я далъ тебѣ примѣръ,
Путь указалъ; упрекъ тяжелъ, но вѣренъ:
Я до тебя самъ измѣнилъ себѣ...
За равный грѣхъ равна должна быть кара:
Пусть и тебѣ твой грѣхъ „проститсяˮ такъ же,
Какъ мнѣ „прощенъˮ мой грѣхъ; коль судъ такой
Признала бы ты строго безпристрастнымъ,
Ты перестала бъ, вѣрь, его искать,
Признавшись, что притворствомъ это было!..
Ты говоришь: всему виною слабость;
Я вѣрю: слабость къ золоту; коль слабость
Все извиняетъ, то какой преступникъ,
Измѣнникъ, воръ, убійца, святотатецъ
Не сталъ бы впредь оправдываться ею?
Порочность всякая есть слабость; доводъ
Такой тебя не можетъ оправдать.
И не любовь тебя на то толкнула,
Но алчность къ деньгамъ; какъ могла ты ждать
Моей любви, заранѣе рѣшивши
Меня предать? Напрасно хочешь ты
Позоръ прикрыть позоромъ; всѣ уловки
Лишь обнажаютъ мнѣ твою преступность...

ДАЛИЛА. Ты слабость не считаешь оправданьемъ
Ни мужу, ни женѣ—на зло себѣ же;
Но выслушай, что вынести должна
Была я прежде, чѣмъ рѣшиться выдать
Секретъ твой!... Сколько приступовъ, ловушекъ!...
Да, цѣлую искусную осаду!

Предъ ней не устоялъ бы и мужчина
Съ характеромъ желѣзнымъ... Нѣтъ, повѣрь,
Не золото тому причиной было!
Ты знаешь, что ко мнѣ явились лично
Всѣ наши главари—вначалѣ съ просьбой,
Затѣмъ съ приказомъ, съ грознымъ заклинаньемъ,—
Что такъ велитъ законъ земли и неба;
Спасти страну отъ общаго врага,
Пролившаго такъ много нашей крови,
Не только долгъ, но честь моя велитъ!
И тутъ же мнѣ твердилъ первосвященникъ,
Какъ было бы достойно передъ небомъ
Имъ выдать нечестивца, что нанесъ
Дагону столько тяжкихъ оскорбленій...
Что я могла на это возразить?
Одна любовь была моей защитой;
Она боролась долго,—наконецъ
Побѣду одержалъ великій принципъ,
Провозглашенный лучшими мужами,
Что личнымъ счастьемъ жертвовать всегда
Должны мы для общественнаго блага,—
И я сочла, что такъ велитъ мой долгъ.

САМСОНЪ. Таковъ конецъ твоимъ хитросплетеньямъ...
Что за притворство, сколько лицемѣрья!
Когда бъ любовь, которую безстыдно
Ты выставляешь, искренней была,
Она бъ тебя другому научила...
Я предпочелъ тебя всѣмъ дочерямъ
Израиля; любилъ тебя такъ сильно,
Что даже душу всю тебѣ раскрылъ,
Не потому, что былъ я легкомысленъ,
А потому, какъ ты прекрасно знаешь,
Что отказать ни въ чемъ тебѣ не могъ...

И вдругъ—я врагъ тебѣ! Зачѣмъ тогда
Самсона взять въ мужья ты согласилась?
Съ какихъ же поръ я сталъ тебѣ врагомъ?..
Разъ ставъ женой, ты для меня оставить
Должна была отчизну и родныхъ,
Ты ужъ тогда не имъ принадлежала,
Но только мнѣ. Когда твоя страна
Къ тебѣ, замысливъ смерть мнѣ, обратилась,
Она попрала этимъ всѣ законы
Природы и людей; она въ тотъ часъ
Была не родиной тебѣ, но шайкой
Преступниковъ, задумавшихъ спасти
Себя самихъ позорнѣйшимъ поступкомъ;
Не должно было имъ повиноваться...
Ты говоришь, что также ревность къ вѣрѣ,
Къ твоимъ богамъ—подвинула тебя;
Ну, хороши же боги, если, сами
Не въ силахъ будучи сломить врага,
Прибѣгли къ столь небожескому средству!...
Оставь же эти всѣ хитросплетенья,
Имъ не прикрыть всей гнусной наготы
Поступка твоего.

ДАЛИЛА. Конечно, въ спорѣ
Съ мужчиной—женщина всегда побита...

САМСОНЪ. Не изъ-за недостатка ль словъ и вздоховъ?
Не я ли самъ былъ ими побѣжденъ!...

ДАЛИЛА. Какъ обманулась я въ моемъ поступкѣ,
Вообразивъ, что онъ на пользу намъ!...
Дай заслужить мнѣ у тебя прощенье,
Возможность дай тебя вознаградить
За все то зло, что сдѣлала тебѣ я,
Въ обманъ введенная; не убивайся
Изъ-за того, чего нельзя вернуть....

Пускай, Самсонъ, на вѣкъ лишенъ ты зрѣнья,
Но въ жизни много есть другихъ утѣхъ,
Когда живешь въ тиши, въ кругу домашнемъ,
Не зная нуждъ, любовью окруженъ,
Отъ всѣхъ тревогъ, во власти коихъ зрячій,
Заботливой рукой освобожденъ.
Не трудно мнѣ добиться разрѣшенья
У главарей освободить тебя
Отъ узъ тюрьмы, отъ этого мученья,
И взять въ мой домъ, жалѣя и любя...
Съ удвоенной заботой и любовью
До старости тебя я сберегу,
И раны всѣ, сочащіяся кровью,
Я исцѣлить въ душѣ твоей смогу...

САМСОНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, оставь напрасныя заботы,
Межъ нами все покончено давно;
И не считай меня на столько глупымъ,
Чтобъ въ ту же я попался западню,
Гдѣ былъ разъ пойманъ; знаю всѣ уловки,
Хоть дорого за это заплатилъ;
Твои силки и сладостныя чары
Ужъ не имѣютъ власти надо мной;
Я научился мудрости змѣиной,
Какъ защищать мой слухъ отъ колдовства.
О, если въ дни моей весны и силы,
Когда меня всѣ чтили и любили,
Или боялись—ты одна могла
Меня, супруга, въ сердцѣ ненавидѣть,
Продать врагамъ, жестоко обманувъ,—
То какъ же будешь относиться ты
Ко мнѣ—слѣпцу безпомощному нынѣ,
Когда и тѣломъ буду я твой рабъ?
О, какъ меня обманывать ты будешь,

Передавая все Филистимлянамъ,
Мои слова, поступки—для насмѣшекъ!
Нѣтъ, я въ тюрьмѣ сочту себя свободнѣй,
Чѣмъ у тебя.... Въ твой домъ я не войду!...

ДАЛИЛА. Позволь мнѣ хоть руки твоей коснуться....

САМСОНЪ. Не подходи, иначе вспыхнетъ злоба,
И я тебя на клочья разорву!...
Стой вдалекѣ—я тамъ тебя прощаю;
Оплакивай твое святое дѣло,
Что обезсмертило тебя отнынѣ
Средь славныхъ женъ и вдовъ благочестивыхъ,
И ублажай уплатой за измѣну
Твое вдовство столь раннее.... Прощай.

ДАЛИЛА. Я вижу—ты неумолимъ; ты глуше
Къ мольбамъ, чѣмъ вѣтеръ и моря; вѣдь вѣтеръ
Мирится съ моремъ, море—съ берегами,
А гнѣвъ неукротимый твой бушуетъ....
За чтожъ себя такъ унижаю я?
Зачѣмъ о примиреньи умоляю,
Стяжая только ненависть въ отвѣтъ,
Да пожеланья, чтобъ клеймо позора
Лежало впредь на имени моемъ?
Нѣтъ, не бывать тому! Я цѣну знаю
Сама себѣ. Пусть слава не двулика,
Но двуязычной быть она должна,
И, съ двухъ сторонъ поступки освѣщая,
На двухъ крылахъ, на черномъ и на бѣломъ,
Она несетъ людскія имена.
Въ твоей странѣ, среди потомковъ разныхъ
Іакова—мое, быть можетъ, имя
Считаться будетъ символомъ позора,
Супружеской измѣны и обмана,
Его съ проклятьемъ будутъ вспоминать;

Въ моей странѣ жъ, чего я такъ желаю,
Въ Экронѣ, Газѣ, Аскалонѣ, Гаѳѣ *),
Меня женой великой назовутъ,
На празднествахъ мой подвигъ воспѣвая,
И послѣ смерти будутъ прославлять,
Какъ спасшую отечество цѣною
Семейныхъ узъ; моя могила будетъ,
Въ примѣръ другимъ, цвѣтами убрана;
Не менѣе прославлена я буду,
Чѣмъ Іаэль **), что въ домъ свой пригласила
Врага страны, Сисáру, отдохнуть,
Но, лишь заснулъ онъ, вмигъ ему въ високъ
Вонзила гвоздь ***)... И я не откажусь
Отъ почестей и громкихъ прославленій
За преданность странѣ моей родной;
Того жъ, кто такъ ко мнѣ пылаетъ злобой,
Я предоставлю участи его!...

ХОРЪ. Она ушла... какъ истая змѣя,
Лишь подъ конецъ свое открывши жало...

САМСОНЪ. Пускай уйдетъ; Господь мнѣ въ наказанье
Ее послалъ, чтобъ ярче показать,
Какой ехиднѣ я довѣрилъ тайну
Его святую, жизнь мою и честь...

ХОРЪ. Но все жъ краса владѣетъ дивной силой
Къ себѣ любовь былую воскрешать,
Хоть будь она преступница; и трудно
Ее отвергнуть безъ того, чтобъ въ сердцѣ
Не шевельнулось жало сожалѣнья.

САМСОНЪ. Простить все можно, только не измѣну,
Которой жизнь загублена навѣкъ...

---

*) Филистимскіе города.
**) По библіи—Іаиль.
***) См. Книга Судей V.

ХОРЪ. Не добродѣтель, нѣтъ, не мудрость и не сила,
Не доблесть, не заслуги, не краса,
Не остроуміе нужны, чтобы мужчина
Могъ женщины любовью завладѣть;
Но что же? Мудрено отвѣтить;
Еще труднѣй бываетъ угадать,
Чѣмъ въ каждомъ данномъ случаѣ ты можешь
Добиться вѣрнаго успѣха у нея;
Загадка эта посложнѣе, чѣмъ твоя,
И не рѣшить ея, какъ ни мудрите.
Когда бы эти качества имѣли
У женщинъ силу—первая жена
Не предпочла бъ тебѣ другого,
Ничтожнаго въ сравненіи съ тобой;
Да и вторая бы предательски не стала
Срѣзать съ тебя руно твоихъ кудрей.
Не потому ли внѣшней красотою
Такъ щедро женщина надѣлена бываетъ,
Что внутреннія качества ея
Весьма несовершенны? Разумъ женщинъ
У большинства бываетъ ограниченъ,
Онѣ не могутъ часто отличить
Добра отъ зла, питая страсть къ дурному.
Иль себялюбья слишкомъ много въ нихъ?
Непостоянство—вотъ ихъ основная
Черта характера; любовь ихъ мимолетна.
Ахъ, почему серьезнѣйшимъ мужамъ
Все кажется вначалѣ такъ небесно,
Благопристойно, скромно, кротко, нѣжно
Подъ покрываломъ дѣвы? Но едва
Они съ избранницей соединились бракомъ,
Какъ тотчасъ все въ иномъ предстанетъ свѣтѣ:

У нѣжныхъ розъ окажутся шипы,
А у газели кроткой—когти барса...
Съ убійственнымъ характеромъ подъ-часъ
Помѣхой мужнинымъ трудамъ она бываетъ,
Иль чарами его порабощаетъ;
Теряетъ разумъ онъ; изъ-за нея
Свершаетъ преступленія и гибнетъ.
Да, лучшій кормчій долженъ потонуть,
Коль взялъ себѣ такого рулевого!
Какъ счастливъ тотъ, кто награжденъ
Отъ Бога добродѣтельной супругой
И любящей домашній свой очагъ!
Какъ жизнь легка и радостна для мужа!
Однако небо цѣнитъ выше
Того, кто силою души
Одолѣваетъ всѣ преграды
И побѣждаетъ искушенья.
Вотъ почему законъ всесвѣтный Бога
Далъ мужу деспотическую власть
Надъ женщиной, дабы благоговѣйно
Жена боялась мужа;
Намъ отступать нельзя отъ этого закона
Ни на единый мигъ; не должно обращать
Вниманія на смѣхъ жены иль слезы;
Ей не внести въ жизнь мужа столько смуты,
Коль правъ своихъ не дастъ похитить онъ....
Куда бъ укрыться намъ? Предвидимъ бурю.
САМСОНЪ. За свѣтлымъ днемъ гроза бываетъ часто.
ХОРЪ. Нѣтъ, буря здѣсь иного рода будетъ.
САМСОНЪ. Въ чемъ дѣло? мнѣ не разгадать загадки.
ХОРЪ. Не жди теперь опять рѣчей медовыхъ,
Чарующаго голоса не жди,

*

На этотъ разъ услышишь грубый голосъ:
Гигантъ Гарафа къ намъ сюда идетъ,
Его узнать не трудно по походкѣ,
По росту и осанкѣ горделивой.
Зачѣмъ онъ здѣсь? Съ намѣреньемъ какимъ?
Его приходъ загадочнѣй Далилы;
Онъ безоруженъ, но во взглядѣ—вызовъ.

САМСОНЪ. Мнѣ все равно, съ какой онъ цѣлью здѣсь.

ХОРЪ. Сейчасъ увидимъ, съ чѣмъ онъ къ намъ явился.

ГАРАФА. Самсонъ, я не затѣмъ сюда пришелъ,
Чтобъ здѣсь сочувствовать тебѣ, какъ эти;
Хотѣлъ бы я, чтобъ ты былъ зрячъ и крѣпокъ,
Не съ дружескими цѣлями однако.
Зовутъ меня Гарафа; родъ мой славенъ,
Какъ Гога иль Енака; я изъ Гаѳы;
Теперь ты знаешь, кто передъ тобою.
О силѣ изумительной твоей
И подвигахъ—я очень много слышалъ,
Но, къ сожалѣнью, я нигдѣ ни разу
Свидѣтелемъ ихъ не былъ—и не могъ
Помѣряться съ тобой въ единоборствѣ.
Теперь пришелъ взглянуть я на того,
Про коего такъ много нашумѣли,
Таковъ ли онъ, какъ говорятъ о немъ.

САМСОНЪ. Чтобъ это знать, попробовать бы надо,
А не глазѣть.

ГАРАФА. Вотъ ты каковъ! А я,
Признаться, думалъ—ты въ тюрьмѣ смирился.
Зачѣмъ судьба съ тобой насъ не столкнула,
Когда творилъ ты, будто, чудеса
Съ ослиной челюстью! Тебя смирилъ бы
Другимъ оружьемъ я, и твой скелетъ
Валялся бы съ ослиными костями,

И слава бы первѣйшаго героя
Израиля—вся разлетѣлась въ прахъ;
Она бы мнѣ съ тѣхъ поръ принадлежала.
Теперь, увы, когда ты ослѣпленъ,
Я эту честь утратилъ безвозвратно!

САМСОНЪ. Не хвастайся здѣсь тѣмъ, что ты бы сдѣлалъ,
Но дѣлай то, что сдѣлать ты хотѣлъ.

ГАРАФА. Я со слѣпымъ сражаться не намѣренъ;
Къ тому же, прежде, чѣмъ тебя касаться,
Тебя изрядно надо бы помыть.

САМСОНЪ. Ты такъ же храбръ, какъ войско Филистимлянъ;
Оно не въ силахъ было совладѣть
Въ бою со мной—однимъ и безоружнымъ;
Герои ваши даже на меня
На спящаго напасть никакъ не смѣли,
Покамѣстъ золотомъ не подкупили
Продажной женщины, меня предавшей.
Итакъ, чѣмъ хвастаться,—пусть бой назначатъ
Намъ въ узкомъ мѣстѣ замкнутомъ, гдѣ зрѣнье
Иль, правильнѣе, бѣгство не давали бъ
Большого преимущества тебѣ.
Явись туда въ вооруженьи пышномъ,
Надѣнь кольчугу, панцырь, шлемъ высокій,
Возьми копье и мечъ и крѣпкій щитъ,
А я возьму лишь толстую дубину
И ею такъ твой панцырь угощу,
Что и костямъ твоимъ несладко будетъ;
И ты не разъ, пока не отдалъ духъ,
Вспомянешь Гаѳу, какъ удобно было
Тамъ хвастаться, что ты, молъ, побѣдилъ бы
Самсона,—но тебѣ не видѣть Гаѳы...

ГАРАФА. Какъ смѣешь ты такъ унижать оружье,
Героямъ всѣмъ служившее защитой

И украшеньемъ въ битвахъ, если самъ
Ты крѣпокъ былъ лишь силой чародѣйства
И притворялся, будто небо съ дѣтства
Вдохнуло силу въ волосы твои?
Въ нихъ силѣ быть отнюдь не подобаетъ,
Хоть волосы твои страшнѣй торчали
Взъерошенной щетины дикобраза.

САМСОНЪ. Я чаръ не зналъ, ни тайныхъ волхвованій;
Я уповалъ на Бога; Онъ мнѣ далъ
Съ рожденья эту силу, разлитую
Въ моихъ костяхъ и мышцахъ и суставахъ,
Какъ и въ твоихъ,—пока я сохранялъ
Руно волосъ согласно обѣщанью.
Въ моихъ словахъ ты можешь убѣдиться;
Дагонъ—твой богъ, такъ въ храмъ къ нему поди,
Зови на помощь; выясни, какъ важно,
Для вящшей славы идола, теперь же
Разрушить эти чары, что считаю
Я силою Израилева Бога;
Дагона я зову на поединокъ
Въ твоемъ лицѣ; пусть онъ тебѣ пошлетъ
Всю мощь свою,—и ты тогда увидишь
Иль, правильнѣй, почувствуешь, чей Богъ—
Твой или мой—могучѣй и сильнѣе!

ГАРАФА. Каковъ бы ни былъ богъ твой—на него
Не полагайся; онъ тебя отвергнулъ
И вычеркнулъ изъ своего народа,
Предавъ во вражьи руки, допустивъ
Имъ выколоть глаза тебѣ и бросить
Тебя въ тюрьму, чтобъ тамъ зерно молоть
Съ рабами и ослами; вотъ кто нынѣ
Твои товарищи! На что ты годенъ
Хотя бы съ длинными кудрями, если

Тебя сразить не мечъ геройскій нуженъ—
(Въ бою съ тобой унизитъ онъ себя!)—
А ножницы и бритва брадобрея?..

САМСОНЪ. Я вынужденъ терпѣть безпрекословно
Всѣ дерзости и низости твои,
Мнѣ ихъ Господь за дѣло посылаетъ;
Но все жъ я не отчаялся въ прощеньи
Того, Кто внемлетъ грѣшниковъ мольбѣ,
Чье око на молящаго взираетъ...
Съ надеждою на Бога я опять
Тебя на бой смертельный вызываю;
Имъ мы рѣшимъ, чей истиненъ Господь,
Твой или Тотъ, Кому Израиль служитъ.

ГАРАФА. Велика честь для Бога твоего
Избрать себѣ въ защитники убійцу,
Разбойника, мятежника и вора!

САМСОНЪ. Чѣмъ ты, ругатель, мнѣ докажешь это?

ГАРАФА. Не самъ ли твой народъ намъ подчинился?
Его правители признали это,
Когда они намъ выдали тебя,
Нарушившаго дерзко соглашенье;
Ты тридцать неповинныхъ человѣкъ
Убилъ рукой преступной въ Аскалонѣ
И, какъ разбойникъ, трупы обобралъ.
Тогда, собравъ войска, Филистимляне
Явились къ вамъ, не дѣлая вреда,
Но лишь ища тебя для наказанья.

САМСОНЪ. Я въ жены взялъ себѣ Филистимлянку,
Не за врага она меня сочла,
И въ вашемъ городѣ я справилъ свадьбу;
Но ваши лицемѣры-главари
Слѣдить за мною тридцати шпіонамъ,
Подъ видомъ дружекъ свадебныхъ, велѣли;

Они, грозя моей невѣстѣ смертью,
Заставили ее узнать секретъ мой
И выдать,—чтобъ рѣшить мою загадку.
Такую увидавъ ко мнѣ враждебность,
Я сталъ смотрѣть на васъ, какъ на враговъ,
И случая не упускалъ, чтобъ той же
Монетою отплачивать врагамъ.
Что мой народъ подпалъ подъ вашу власть—
Былъ результатъ войны; а силу силой
Имѣетъ право свергнуть покоренный.
Но, говорятъ, какъ нарушитель слова,
Я выданъ былъ страной; такъ какъ же смѣлъ я
На свой лишь страхъ, одинъ, начать возстанье?..
Я нарушитель слова не былъ; Богомъ
Я призванъ былъ освободить отчизну
И силой неземной былъ надѣленъ;
Коль рабскій духъ моихъ согражданъ выдалъ
Меня, освободителя, за грошъ—
Тѣмъ хуже имъ: они рабы понынѣ!
На подвигъ мой я небомъ былъ назначенъ,
И я бъ свершилъ его; не ваша сила,
Но мой проступокъ погубилъ меня...
Увертки бросивъ, отвѣчай на вызовъ!
На подвигъ я, калѣка, не гожусь,
Однако же, борьбу съ тобой считая
За пустяки, я въ третій разъ тебя
Зову на бой.

ГАРАФА. Никто не станетъ драться
Съ такимъ, какъ ты, закованнымъ рабомъ,
На каторгу въ темницѣ осужденнымъ.

САМСОНЪ. Не для того ль, пустой хвастунъ, пришелъ ты,
Чтобъ надъ моею силой зря глумиться?
Чтобъ знать ее—поближе подойди,
Но берегись, шутить съ тобой не стану!...

ГАРАФА. Могу ль я снесть такія оскорбленья,
О Вельзевулъ, чтобъ смертью не отмстить?

САМСОНЪ. А кто жъ тебѣ мѣшаетъ сдѣлать это?
Попробуй-ка, тебя я не боюсь;
Пусть ноги скованы,—кулакъ свободенъ!

ГАРАФА. Достойна не того такая дерзость!

САМСОНЪ. Ступай, постыдный трусъ! Иначе я,
Хоть и въ цѣпяхъ—одною оплеухой
Тебя на мѣстѣ уложу иль въ воздухъ
Тебя швырну, и шлепнешься ты такъ,
Что въ дребезги, негодный, разлетишься!...

ГАРАФА (уходя). Клянусь Астартой, дорого заплатишь
За это ты въ желѣзныхъ кандалахъ!

ХОРЪ. Гигантъ ушелъ немного оробѣлымъ,
Хоть зашагалъ съ угрозою въ глазахъ,
Отъ бѣшенаго гнѣва задыхаясь.

САМСОНЪ. Я не боюсь всего его отродья,
Хоть, говорятъ, отецъ онъ пятерыхъ
Такихъ же, какъ и самъ онъ, великановъ.

ХОРЪ. Боимся мы, что прямо къ главарямъ
Теперь пошелъ онъ, чтобъ подговорить ихъ
Тебѣ еще усилить наказанье.

САМСОНЪ. Тому онъ долженъ указать причину;
Межъ тѣмъ едва ль дерзнетъ онъ сообщить
О вызовѣ: тогда вопросъ возникъ бы—
Принять ему мой вызовъ или нѣтъ,
А онъ на бой со мною не рѣшится...
Ещё мой трудъ въ темницѣ увеличить
Они не могутъ; не снесу я больше,
А имъ теперь невыгодно лишиться
Работника такого, какъ Самсонъ...
Но—будь что будетъ! Мой заклятый врагъ
Окажется мнѣ самымъ лучшимъ другомъ,

Коль смертью онъ меня освободитъ
Отъ мукъ моихъ. Но можетъ такъ случиться,
Что смерть моя нежданно за собою
Ихъ собственную гибель повлечетъ.

ХОРЪ. Отрадно на душѣ бываетъ
У тѣхъ, что долго безъ вины томились
Подъ гнетомъ деспотовъ, когда Господь
Нежданно имъ пошлетъ въ освобожденье
Непобѣдимаго, великаго героя,
Чтобъ укротить властителей земли,
Чтобъ свергнуть иго произвола
Жестокихъ тѣхъ насильниковъ, что стойко
Оберегаютъ власть тирана
И яростно преслѣдуютъ того,
Кто правду чтитъ и справедливость.
Посланникъ неба разрушаетъ тотчасъ
Всѣ замыслы коварные злодѣевъ,
И, силою небесъ вооруженный,
Онъ не страшится ихъ оружья,
Безсильнаго разрушить Божью правду.
Однимъ ударомъ, молніи подобный,
Онъ исполняетъ порученье неба,
Караетъ злыхъ, застигнутыхъ врасплохъ,
Растерянныхъ и изумленныхъ
И неспособныхъ даже защищаться...
Терпѣнье же доступно лишь святымъ;
Терпя всѣ испытанья жизни, каждый
Изъ нихъ всегда, при всѣхъ невзгодахъ,—
Свой собственный освободитель;
Онъ побѣждаетъ все,
Что шлетъ ему тиранство злой судьбы...
Самсонъ! Твой жребій двойственъ:
Ты силой былъ великой надѣленъ,

Ты былъ герой, никѣмъ не побѣжденный,
Но нынѣ, зрѣнія лишенный,
Ты взять себѣ въ удѣлъ терпѣнье принужденъ...
День этотъ праздничный не отдыхъ былъ тебѣ,
Работалъ ты умомъ сегодня больше,
Чѣмъ въ будній день работалъ ты руками;
Но худшее, быть можетъ, впереди:
Сюда къ тебѣ спѣшитъ гонецъ изъ Газы,
Его узнать не трудно по одеждѣ
И по жезлу короткому въ рукахъ;
Сейчасъ онъ скажетъ намъ, зачѣмъ онъ посланъ.

ГОНЕЦЪ. Евреи, гдѣ Самсонъ, нашъ плѣнникъ?

ХОРЪ. Вотъ онъ;
По кандаламъ его узнать нетрудно.

ГОНЕЦЪ. Самсонъ, тебѣ принесъ я приказанье:
У насъ сегодня праздникъ въ честь Дагона
И рядъ торжествъ и жертвоприношеній;
Ты силою всѣхъ смертныхъ превосходишь;
Теперь ее ты долженъ показать
На нашемъ празднествѣ всему собранью.
Итакъ, вставай и вслѣдъ иди за мной;
Тебѣ дадимъ мы чистыя одежды,
Чтобъ ты предстать въ собраньи нашемъ могъ.

САМСОНЪ. Ты знаешь, я еврей; законы наши
Намъ запрещаютъ къ вамъ ходить на праздникъ;
Я не пойду; такъ имъ и передай.

ГОНЕЦЪ. Такой отвѣтъ они отнюдь не примутъ.

САМСОНЪ. Да развѣ нѣтъ у нихъ довольно разныхъ
Гимнастовъ, плясуновъ, борцовъ, жонглеровъ,
Наѣздниковъ, шутовъ, актеровъ всякихъ,
Что надо имъ еще тащить меня,
Измученнаго тяжкою работой,
Ихъ потѣшать моею слѣпотой?

Иль нуженъ имъ предлогъ для новыхъ пытокъ,
Коль я несоглашусь себя дать мучить
И выставлять на общую потѣху?
Вернись назадъ, я не хочу идти.

ГОНЕЦЪ. Ты этимъ всѣхъ жестоко оскорбляешь!
Одумайся!

САМСОНЪ. Мое рѣшенье твердо;
Иль думаютъ они, я такъ подавленъ
Тѣлеснымъ рабствомъ, что и разумъ мой
Не въ силахъ ихъ нелѣпыхъ приказаній
Ослушаться? Я рабъ имъ, но не шутъ;
И мнѣ,—въ разгаръ душевнаго страданья,—
Ломать шута и тѣшить ихъ боговъ,
Мнѣ,—на кого они глядятъ съ презрѣньемъ,—
О, это—гнусность всѣхъ другихъ гнуснѣй!..
Я не пойду.

ГОНЕЦЪ. Послѣднее ль рѣшенье
Ты мнѣ сказалъ? Я медлить не могу.

САМСОНЪ. Такъ поспѣши имъ передать, что слышалъ.

ГОНЕЦЪ. Къ добру не приведетъ твое упрямство!

САМСОНЪ. Да и твое не приведетъ къ добру. (Гонецъ уходитъ).

ХОРЪ. Самсонъ, подумай! Дѣло обострилось
До крайности; рѣшай его скорѣй!
Онъ ужъ ушелъ; отвѣтъ твой, безъ сомнѣнья,
Лишь масла подольетъ въ огонь вражды;
Жди новаго, столь грознаго приказа,
Что отказать уже не сможешь ты.

САМСОНЪ. Ужель рѣшусь я даръ святой, что съ ростомъ
Моихъ волосъ ко мнѣ сталъ возвращаться,
Такъ осквернить? Ужель воздамъ я такъ
Творцу за милость? Мнѣ ли, назорею,
Въ честь идоловъ унизить Божій даръ?
Нѣтъ, этимъ вновь свершу я грѣхъ ужаснѣй,

Чѣмъ я свершилъ! Въ забаву нечестивцевъ
Хвалиться силой передъ ихъ Дагономъ?
Что можетъ быть, скажите, недостойнѣй,
Позорнѣй и кощунственнѣй, чѣмъ это!

ХОРЪ. Но вѣдь въ тюрьмѣ ты той же самой силой
Язычникамъ-Филистимлянамъ служишь?

САМСОНЪ. Не въ честь, однако, идола; трудомъ
Законнымъ, честнымъ—я лишь добываю
Себѣ мой хлѣбъ у взявшихъ въ плѣнъ меня.

ХОРЪ. Кто чистъ душой, тотъ внѣшнимъ актомъ душу
Не запятнитъ.

САМСОНЪ. Да, если принужденъ
Свершить тотъ актъ неодолимой силой;
Но вѣдь меня къ Дагону въ храмъ не тащатъ;
Приказъ Филистимлянъ—не принужденье.
Коль я послушаюсь, то добровольно
Я оскорбляю Бога изъ боязни
Людей—и ихъ предпочитаю Богу.
Грѣха такого Онъ мнѣ не проститъ.
Но Богъ, конечно, можетъ для свершенья
Чего-нибудь угоднаго Ему
Насъ допустить и къ жертвоприношеньямъ
Язычниковъ.

ХОРЪ. Такъ какъ же быть тебѣ?

САМСОНЪ. Не бойтесь. Вновь я чувствую внезапно
Въ себѣ приливъ могучій прежнихъ силъ,
И я готовъ на подвигъ чрезвычайный...
Да, я идти рѣшился въ храмъ невѣрныхъ,
Но не затѣмъ, чтобъ осквернить законъ,
Иль запятнать обѣтъ мой назорея;
Коль вѣрить мнѣ предчувствію, то я
Иль вновь свершу сегодня грозный подвигъ,
Иль этотъ день—послѣдній для меня!

ХОРЪ. Ты во́ время рѣшилъ; гонецъ вернулся.

ГОНЕЦЪ. Вторично посланъ я къ тебѣ, Самсонъ.
Какъ смѣешь ты, нашъ рабъ, нашъ плѣнникъ,—дерзко
Не слушаться строжайшихъ приказаній?
Иди сейчасъ за мной, иль мы прибѣгнемъ
Къ такимъ отборнымъ средствамъ принужденья,
Что, будь ты крѣпче самого гранита,—
Вмигъ самъ за мною слѣдомъ побѣжишь,
Какъ будто бы тебя тащили силой!

САМСОНЪ. Хотѣлъ бы я извѣдать ихъ искусство,
Оно для многихъ стоило бы жизни.
Но такъ какъ я въ рукахъ у васъ, то, чтобы
Вамъ не воло́чь по улицамъ меня,
Какъ звѣря дикаго,—я соглашаюсь
Идти съ тобой охотно. Приказанье
Властителей намъ должно исполнять;
Чтобъ жизнь спасти—какъ не смѣнить рѣшенья?
О, какъ людей измѣнчивы поступки!
Но знай одно,—я не свершу такого,
Чего законъ не позволяетъ нашъ.

ГОНЕЦЪ. Хвалю твое рѣшенье; сбрось оковы;
Покорностью такой снискать ты можешь
Твоей судьбы большое облегченье.

САМСОНЪ. Прощайте, братья; вамъ идти за мной
Не слѣдуетъ; иначе оскорбиться
Тамъ могутъ, что съ собой привелъ я
Толпу друзей; вѣдь я еще не знаю
Насколько видъ ихъ бывшаго врага—
Столь страшнаго когда-то—имъ пріятенъ;
Къ тому же, опьяненные виномъ
Властители властительнѣе смотрятъ,
Да и жрецы упитанные—жарче
Пылаютъ рвеньемъ, чуть коснется вѣры;

Да и народъ на празднествахъ—горячій...
Чтобъ ни случилось—знайте: не свершу
Я недостойнаго; спокойны будьте;
Но самъ останусь живъ иль нѣтъ—не знаю.
(Самсонъ и гонецъ уходятъ).

ХОРЪ. Гряди же, и тебѣ вождемъ
Господь Израилевъ да будетъ!
Среди язычниковъ кругомъ
Прославь Его святое имя;
Пусть ангелъ тотъ опять къ тебѣ слетитъ,
Который твоему отцу являлся
И возвѣстилъ рожденіе твое;
Пусть огненнымъ щитомъ тебѣ онъ будетъ!
Пусть осѣнитъ опять тебя тотъ духъ,
Который осѣнялъ тебя когда-то,
Когда разилъ ты сонмище враговъ!...
Вѣдь никому не посылало небо
Подобной грозной силы, какъ тебѣ...
Но старый Маноэ идетъ къ намъ снова;
Какъ онъ спѣшитъ! Какъ сталъ онъ веселѣй!
Надѣется ль онъ здѣсь найти Самсона,
Иль вѣсть о немъ несетъ благую намъ?

МАНОЭ. Миръ вамъ, о братья; я пришелъ сюда
Не съ тѣмъ, чтобъ здѣсь опять найти Самсона;
Я знаю, что, согласно приказанью,
На праздникъ онъ ушелъ Филистимлянъ,
Гдѣ показать свою имъ долженъ силу;
Тамъ тьма народу, я же—не пошелъ;
Ужель мнѣ быть свидѣтелемъ, какъ сына
Несчастнаго заставятъ, можетъ-быть,
Что-либо недостойное продѣлать!...
Я къ вамъ пришелъ сказать, что есть надежда
Освободить Самсона изъ неволи.

ХОРЪ. Какъ рады мы! Скажи намъ все скорѣй!
МАНОЭ. Мнѣ удалось ко многимъ обратиться
Изъ главарей съ мольбою и слезами
Отцовскими, чтобъ согласились выкупъ
Они принять за сына моего.
Не мало рѣзкихъ встрѣтилъ я отказовъ,
Глумленія иль гордаго презрѣнья
Отъ преданныхъ Дагону и жрецамъ;
Охотнѣе я выслушанъ былъ тѣми,
Которые за данную имъ взятку
Не прочь продать и бога и страну;
Но третьи оказались благороднѣй:
Они признали, что довольно мщенья
Въ виду того, что обезвреженъ врагъ,
И что страна за подходящій выкупъ
Самсона согласится отпустить...
Но что за шумъ? онъ небо потрясаетъ?
ХОРЪ. Сомнѣнья нѣтъ, что это крикъ народа,
Увидѣвшаго грознаго когда-то
Врага страны—своимъ рабомъ покорнымъ;
Иль, можетъ-быть, его дивятся силѣ.
МАНОЭ. Лишь только бы хватило состоянья,—
Я выкупъ мой охотно уплачу;
Согласенъ я быть лучше самымъ бѣднымъ
Въ моемъ колѣнѣ, чѣмъ богатымъ,—лишь бы
Самсона изъ неволи взять домой;
Нѣтъ, безъ него я не уйду отсюда;
Я все отдамъ; коль будетъ онъ со мной—
Мнѣ больше ничего не надо въ жизни.
ХОРЪ. Отцы хранятъ для сыновей наслѣдство,
Ты вынужденъ отдать его врагамъ;
Долгъ сыновей—кормить отцовъ подъ старость,
Ты—долженъ сына своего кормить!...
Да, ставъ слѣпымъ, онъ сталъ тебя старѣе.

МАНОЭ. Мнѣ будетъ утѣшеньемъ и отрадой
Глядѣть, какъ онъ сидитъ въ дому́ моемъ,
Онъ,—столько славныхъ подвиговъ свершившій!...
Глядѣть, какъ кудри вьются по плечамъ,
Тѣ кудри, что таили столько силы!...
Я убѣжденъ: Господь не допустилъ бы
Вернуться прежней мощи съ ростомъ кудрей,—
(Что, словно рать бойцовъ, сплошь окаймляетъ
Его чело)—когда бы не назначилъ
Его опять на новыя дѣла.
Не можетъ быть, чтобъ онъ съ такою силой
Былъ обреченъ сидѣть безъ пользы дома!...
А если мощь его при немъ осталась,
Господь ему и зрѣніе вернетъ.
ХОРЪ. Твои надежды, старецъ, не напрасны;
Ты, можетъ-быть, его освободишь;
Тогда твоя вполнѣ понятна радость,
Ее съ тобой мы рады раздѣлить.
МАНОЭ. Я знаю вашу дружбу... Что за грохотъ!!
О Боже милосердный, что за шумъ!
Ужасенъ онъ!... Не то, что былъ недавно...
ХОРЪ. Нѣтъ, то не шумъ,—то общій вопль и стонъ,
Какъ будто все погибло населенье!
Въ томъ воплѣ слышны ужасъ, кровь и смерть,
Провалъ земли и зданій разрушенье!...
МАНОЭ. Чу! грохотъ вновь! Мой бѣдный сынъ убитъ!
Да, что-то рушится, я ясно слышу...
ХОРЪ. Не твой ли сынъ враговъ тамъ избиваетъ?
Вѣдь слышны крики сотенъ голосовъ.
МАНОЭ. Да, тамъ стряслось какое-то несчастье;
Туда ль бѣжать иль здѣсь остаться намъ?
ХОРЪ. Намъ лучше здѣсь остаться; тамъ мы можемъ
Подвергнуться опасности большой;

Несчастье вѣдь стряслось у Филистимлянъ,
Иначе—чей же былъ всеобщій крикъ?
Имъ насъ не тронуть здѣсь въ ихъ озлобленьи.
А, кромѣ нихъ, кого жъ бояться намъ?...
Но—что́, коль зрѣнье Богъ вернулъ Самсону—
(Вѣдь всемогущъ воистину Господь!)
И тамъ Самсонъ разитъ враговъ, какъ прежде,
Сквозь груды мертвыхъ пролагая путь?

МАНОЭ. Такая радость—самообольщенье!

ХОРЪ. Но встарину такія чудеса
Свершалъ Господь,—такъ чтожъ мѣшаетъ нынѣ?

МАНОЭ. Онъ можетъ, да; но врядъ ли Онъ захочетъ,
Хоть вѣрить я готовъ бы всей душой...
Немного подождавъ, узнаемъ это.

ХОРЪ. Коль тамъ стряслась бѣда, узнаемъ скоро:
Дурная вѣсть—бѣжитъ, благая—медлитъ...
Да вотъ, какъ разъ, сюда спѣшитъ еврей
И, кажется, изъ нашего колѣна.

ВѢСТНИКЪ. Куда бѣжать? Гдѣ могъ бы я спастись
Отъ призрака ужасной катастрофы?
Его я вижу всюду предъ собой,
За мной бѣжитъ кровавый призракъ слѣдомъ.
Но, кажется, инстинктъ иль Провидѣнье,
Иль разумъ мой, какъ онъ ни затемненъ,
Меня ведутъ, не знаю какъ, но вѣрно,
Чтобъ перваго, о Маноэ почтенный,
Тебя здѣсь встрѣтить съ ними всѣми вмѣстѣ;
Я зналъ, что вы остались здѣсь вдали
Отъ мѣста столь ужаснаго событья.

МАНОЭ. Мы слышали здѣсь грохотъ и затѣмъ
Ужасный крикъ; но дѣло въ чемъ—не знаемъ;
Что тамъ стряслось—скорѣе намъ скажи!

ВѢСТНИКЪ. О, дайте мнѣ перевести дыханье,
Я внѣ себя, не знаю, какъ начать!

МАНОЭ. Скажи намъ суть, подробности же—послѣ.

ВѢСТНИКЪ. Погибли всѣ, кто только въ Газѣ былъ,
Хоть городъ самъ остался неразрушенъ.

МАНОЭ. Худого ты покамѣстъ не сказалъ;
Мы слышимъ, что враги погибли наши.

ВѢСТНИКЪ. Всего несчастья сразу не сказать...

МАНОЭ. Но кто жъ сгубилъ враговъ?

ВѢСТНИКЪ. Самсонъ.

МАНОЭ. Тѣмъ лучше!
Намъ не грустить, а радоваться надо...

ВѢСТНИКЪ. Ахъ, Маноэ, боюсь сказать я сразу,
Что мнѣ сказать придется наконецъ.
Вѣдь новость та внезапностью своею
Тебя, старикъ, глубоко потрясетъ...

МАНОЭ. Ты, медля такъ, меня терзаешь хуже...

ВѢСТНИКЪ. Такъ знай же все: твой сынъ, Самсонъ, убитъ.

МАНОЭ. Убитъ?.. Увы, погибли всѣ надежды!
Онъ выкупъ свой тамъ смертью уплатилъ...
Съ какою радостью еще сегодня
Мечталъ я объ его освобожденьи!
Напрасно все... Что ранній цвѣтъ весны,
Поблекшій вдругъ отъ утреннихъ морозовъ,
Моя мечта погибла навсегда...
Но прежде, чѣмъ предаться мнѣ печали,
Скажи—какъ умеръ онъ? Вѣдь смерть для жизни
Вѣнецъ иль стыдъ; ты только что сказалъ:
„Онъ всѣхъ убилъ"; но кто жъ убилъ Самсона?

ВѢСТНИКЪ. Онъ палъ не отъ руки враговъ.

МАНОЭ. Но какъ?
Ужель онъ умеръ отъ изнеможенья?

ВѢСТНИКЪ. Отъ собственной руки.

МАНОЭ. Самоубійцей?
Но что жъ его заставило себя
Убить среди враговъ?

ВѢСТНИКЪ. Себя убилъ онъ
Съ врагами вмѣстѣ, зданіе обрушивъ,
Гдѣ всѣ на представленье собрались,
Какъ на себя, такъ и на все собранье.

МАНОЭ. Какой порывъ сверхсильный, роковой!...
Ты страшный путь избралъ, мой сынъ, для мщенья!..
Да, болѣе чѣмъ нужно я узналъ...
Но все же ты, какъ очевидецъ, можешь
Намъ разсказать подробно, каковы
Послѣднія минуты были сына?

ВѢСТНИКЪ. Еще съ восходомъ солнца прибылъ я
Сегодня въ Газу изъ-за дѣлъ торговыхъ;
Торжественно по улицамъ вездѣ
Гремѣли трубы, праздникъ возвѣщая.
И вскорѣ слухъ повсюду пробѣжалъ
Волнующій, что приведутъ Самсона,
Чтобъ силу онъ свою передъ народомъ
Могъ показать... Я пожалѣлъ о немъ,
Но все жъ рѣшилъ пойти на представленье.
Оно въ огромномъ полукругломъ зданьи
Готовилось; высокій сводъ его
На двухъ колоннахъ каменныхъ держался;
Подъ этимъ сводомъ было много мѣстъ
Устроено для тѣхъ, кто поважнѣе;
Простой народъ, среди него и я,
Стояли возлѣ подъ открытымъ небомъ.
Начáлся праздникъ съ жертвоприношеній;
Восторженно настроившись, толпа
Ждала Самсона; вотъ онъ появился
Въ одеждахъ яркихъ; чинно передъ нимъ
Шли трубачи, а съ двухъ сторонъ—съ мечами
Два всадника въ доспѣхахъ гарцовали;
Вослѣдъ за нимъ шли воины рядами

Различныхъ формъ и всѣхъ родовъ оружья.
Его завидя, всѣ могучимъ кликомъ
Хвалу воздали идолу, который
Имъ отдалъ въ плѣнъ столь страшнаго врага.
Онъ, молча, шелъ, куда его вели,
И, молча же, на узкомъ возвышеньи
Сталъ исполнять всѣ требованья ихъ:
Ломалъ и гнулъ, съ невѣроятной силой
Подбрасывалъ огромнѣйшую тяжесть,—
Никто вступить въ борьбу съ нимъ не посмѣлъ.
Но, наконецъ, чтобъ отдыхъ дать немного,
Они его къ колоннамъ подвели...
Какъ я слыхалъ отъ тѣхъ, кто былъ поближе,
Самсонъ просилъ у стражи позволенья
Вплотную стать къ колоннамъ, чтобы могъ
Онъ отдохнуть, на нихъ облокотившись.
Ему позволили. Когда Самсонъ
Почувствовалъ, что трогаетъ колонны,—
Онъ неподвиженъ сталъ, какъ бы молился,
Иль что-то важное въ душѣ замыслилъ.
Вдругъ, голову поднявши, онъ воскликнулъ:
„Властители! Все, что вы приказали,
Исполнилъ я, вамъ молча повинуясь,
И вызвалъ удивленье и восторгъ.
Теперь я вамъ по моему почину
Еще блестящѣй опытъ покажу,
Такой, что всѣ отъ изумленья ахнутъ!“
Такъ говоря, онъ страшно весь напрягся
И,—словно вихрь иль волны бурныхъ водъ,
Когда земля дрожитъ,—колонны эти
Съ такой ужасной силою потрясъ,
Что рухнули онѣ, а вслѣдъ за ними
Съ ужаснымъ трескомъ рухнулъ тяжкій сводъ

На головы сидѣвшихъ; здѣсь погибли
Военачальники, жрецы и судьи,
И жены ихъ—весь цвѣтъ Филистимлянъ,
Не только тѣхъ, что жительствуютъ въ Газѣ,
Но также всѣхъ окрестныхъ городовъ.
Самсонъ, конечно, этимъ неизбѣжно
Обрушилъ тяжкій сводъ и на себя;
Спаслась лишь чернь, стоявшая внѣ крыши.

ХОРЪ. Ты это доблестное мщенье
Цѣной жестокою купилъ,
Но—живъ иль мертвъ—предназначенье
Твое—ты свято совершилъ.
И ты лежишь окровавленный
Средь груды мертвыхъ вражьихъ тѣлъ,
Судьбой жестокой принужденный
Ихъ общій раздѣлитъ удѣлъ.
Да, этотъ подвигъ разрушенья
Славнѣй всѣхъ прежнихъ безъ сравненья!

1-й ПОЛУХОРЪ. Среди безумнаго веселья,
Разгоряченные виномъ,
Въ чаду обжорства и похмелья
Они объ идолѣ своемъ,
Какъ побѣдителѣ, кричали,
А Бога дерзко оскорбляли…
Но Богъ всесильный въ наказанье
У дерзкихъ разумъ помутилъ:
Они на собственную гибель
Призвали плѣнника въ цѣпяхъ
И, мысля только о забавѣ,
Не опасаясь ничего,
Открыли путь Самсону къ славѣ,
Къ святому подвигу его!
Такъ люди, Бога прогнѣвляя,
Теряютъ тотчасъ разумъ свой,

И ждетъ ихъ участь роковая
Съ ихъ безпросвѣтной слѣпотой…

…й ПОЛУХОРЪ. А онъ, хотя и ослѣпленный
И жалкимъ сдѣланный рабомъ,—
Духовнымъ свѣтомъ озаренный,
Свой факелъ мощи загашенный
Возжегъ пылающимъ огнемъ;
И, какъ орелъ на крыльяхъ бури
Стремглавъ летитъ на жертвъ своихъ,—
Самсонъ съ безоблачной лазури
Нежданнымъ громомъ палъ на нихъ.
Такъ доблесть въ бѣдствіи жестокомъ,
Давно забытая толпой,
Вконецъ надломленная рокомъ—
Предъ изумленнымъ нашимъ окомъ,
Какъ Фениксъ, вдругъ встаетъ живой;
Примѣръ тому мы видимъ нынѣ:
Она раздавлена была,
Но, словно Фениксъ средь пустыни,
Изъ пепла снова ожила!… *)

---

*) Здѣсь пришлось отступить отъ подлинника; *буквально* второй полухоръ говоритъ слѣдующее: „Но онъ, — хотя тѣлесно слѣпой, презираемый и сочтенный совершенно погасшимъ, — будучи просвѣтленъ внутренними очами, поднялъ свою огненную доблесть изъ-подъ пепла во внезапномъ пламени и появился, какъ вечерній драконъ, нападающій на насѣсты и на расположенныя въ рядъ гнѣзда домашней деревенской птицы; но онъ, какъ орелъ, грянулъ своимъ безоблачнымъ громомъ на ихъ головы. Такъ доблесть, которую считали потерянной и, повидимому, подавленной и низверженной,—подобна той самозарождающейся птицѣ, обитающей въ аравійскихъ лѣсахъ, которая не знаетъ себѣ равной и, еще недавно лежавшая какъ жертва, а нынѣ, зачатая въ своей пепельной (состоящей изъ пепла) утробѣ, оживаетъ, расцвѣтаетъ, наиболѣе могущественная тогда, когда считалась наиболѣе бездѣятельной; хотя ея тѣло умираетъ,—ея слава переживаетъ обыкновенную птицу на цѣлую вѣчность.“

МАНОЭ. Идемъ, идемъ, теперь не время плакать
И нѣтъ причинъ; Самсонъ отмстилъ, какъ долженъ
Отмстить Самсонъ; геройски кончилъ онъ
Героя жизнь; съ врагами онъ сквитался;
На много лѣтъ печали хватитъ имъ;
Теперь по всей странѣ Филистимлянской
Прольются слезы; родинѣ принесъ
Онъ почесть и свободу, лишь хватило бъ
Отваги намъ воспользоваться этимъ;
Прославилъ онъ себя и весь свой родъ;
Но—что всего дороже и отраднѣй—
Господь не отступился отъ Самсона,
Но былъ при немъ до самаго конца.
Здѣсь мѣста нѣтъ слезамъ и сожалѣньямъ,
Не въ перси бить, но радоваться намъ!
Намъ не́чего въ укоръ ему поставить,
Онъ благородной смертью кончилъ жизнь.
Пойдемъ теперь, его отыщемъ тѣло,
Забрызганное вражескою кровью;
Возьмемъ съ собой воды и травъ душистыхъ,
Чтобъ смыть съ него запекшуюся кровь;
(Филистимляне намъ не помѣшаютъ);
Тѣмъ временемъ пошлю я за родными,
Я созову друзей моихъ сюда,
И милый прахъ торжественно изъ Газы
Въ процессіи безмолвно-величавой
Въ его родной пріютъ перенесемъ;
Самсону тамъ я памятникъ воздвигну,
Зеленый лавръ кругомъ я посажу
И много пальмъ съ тѣнистыми вѣтвями,
Украшу ихъ трофеями его.
Его дѣла прославятся въ сказаньяхъ
И всюду въ звучныхъ пѣсняхъ прогремятъ;

Къ его могилѣ юноши толпами
Стекаться будутъ, чтобы почерпнуть
Въ его дѣлахъ на подвиги отвагу;
По праздникамъ его могилу будутъ
Ковромъ цвѣтовъ дѣвицы усыпать,
Оплакивая сына брачный выборъ—
Причину слѣпоты его и плѣна...

ХОРЪ. Все къ лучшему... Напрасны всѣ сомнѣнья
Въ путяхъ непостижимыхъ Провидѣнья;
Все къ лучшему въ концѣ концовъ ведетъ...
Намъ часто кажется, что ликъ свой отвращаетъ
Господь отъ насъ... Нежданно Онъ вернетъ
Намъ милость прежнюю... И нынѣ Онъ являетъ
Свидѣтельство тому въ избранникѣ своемъ;
Межъ тѣмъ какъ въ Газѣ плачъ и стонъ и скорбь кругомъ
У тѣхъ, кто тамъ дерзалъ не чтить Твое велѣнье,—
Ты—чтущимъ Твой законъ, въ примѣръ и въ наставленье,
Великое событіе явилъ,
Унялъ страданья ихъ, далъ сердцу утѣшенье,
Послалъ покой душѣ и съ миромъ отпустилъ...